

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор ФГБУН ИМБТ СО РАН

Базаров Академик РАН Б.В. Базаров

«06» *сентября* 2016

О Т З Ы В

ведущей организации

на диссертацию Кузьмина Сергея Львовича «Буддизм и государственность в Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости», представленную на соискание степени доктора исторических наук, по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Новое и Новейшее время).

Тема диссертации С.Л. Кузьмина представляется весьма актуальной, поскольку связана с проблемой взаимоотношений религии и власти, которую не могут обойти вниманием практически все политики и религиозные деятели. Актуальность проблематики предпринятого исследования усиливается в контексте рассмотрения механизмов возникновения и развития государственности в условиях трансформации традиционных обществ Азии и вообще соотношения традиционности и модернизации общества, что представляет собой отдельный теоретический аспект, интересный не только монголоведам и буддологам.

Особенность исторического развития Монголии, как отмечает диссертант, заключается в том, что в сравнительно небольшие исторические промежутки времени в XIII – XIV вв. и в XX – XXI вв. культурные, социальные, экономические и политические изменения в стране совершались беспрецедентно быстрыми темпами (с. 4). В этой связи диссертант справедливо указывает на буддийскую религию, как на важный фактор, который необходимо учитывать при правильной оценке механизмов и

траектории развития Монголии в контексте истории общих геополитических процессов в регионе (с. 5).

В диссертации С.Л. Кузьмина достаточно подробно и обстоятельно рассмотрена степень изученности проблемы, проанализированы работы отечественных, монгольских, китайских и западных исследователей, включая и последние работы. Вместе с тем с сожалением приходится отметить, что работы японских ученых, много пишущих на эту тему, почему-то практически выпали из фокуса внимания диссертанта.

Объект и предмет исследования диссертантом определены в соответствии с поставленной целью: проанализировать предпосылки, процесс и механизмы возникновения, развития и ликвидации буддийских структур в связи с влиянием внутри- и внешнеполитических, религиозных, идеологических, социальных и экономических факторов, определявших становление Монголии как государства (с. 31).

В первой главе «Предпосылки формирования теократической монархии» автор рассматривает мироустроительные модели империй Юань и Цин, обсуждает проблему легитимации власти в Монголии и рассматривает влияние буддизма школы Гэлуг на возникновение монгольской теократии. Диссертант приходит к выводу о том, что «цинская мироустроительная концепция отличалась от китайской и была аналогична юаньской в том, что легитимация и сакрализация императорской власти для монголов, китайцев и тибетцев соответствовала историческим и религиозным традициям каждого из этих народов» (с. 101). Ко времени коллапса империи Цин, считает автор, во Внешней Монголии созрели основные предпосылки формирования теократического государства, к которым диссертант относит: приверженность буддизму почти всего населения, тесные связи духовенства с народом, легитимность и централизация власти духовенства (в первую очередь хубилганов), экономический потенциал церкви, все более превосходявший таковой феодалов (с. 102).

Во второй главе «"Новая политика" империи Цин и национально-освободительное движение монголов» С.Л. Кузьмин рассматривает политическую обстановку, сложившуюся во Внутренней и Внешней Монголии в рассматриваемый период, и анализирует влияние Далай-ламы XIII на национально-освободительное движение во время его вынужденного пребывания в Халхе в 1904–1906 гг. Выводы автора по главе формулируются почему-то больше в сослагательном наклонении: «возможно, Далай-лама надеялся занять руководящее положение (в национально-освободительном движении)» (с. 137); «вероятно, на тайных встречах Далай-ламы с Джебцундамба-хутухтой и было решено отделиться от империи Цин: ламы и князя Монголии не могли принять такое решение вопреки воле Богдо-гэгэна» (с. 138); «по-видимому, первые планы установления в Монголии теократической монархии относятся к периоду пребывания там Далай-ламы XIII» (Там же). Хотелось бы, чтобы автор подкрепил свои, безусловно, интересные допущения более детальной аргументацией и фактическими данными.

В третьей главе рассматривается десятилетний период установления абсолютной теократической монархии в Монголии (1911-1921 гг.), включая: провозглашение независимости Монголии; обсуждение роли Внешней Монголии в качестве центра общемонгольской государственности; анализ попыток присоединения Барги, Внутренней Монголии и Кукунора; оккупацию Внешней Монголии китайским генералом Сюй Шучжэном; восстановление монархии бароном Р.Ф. Унгерном; обсуждение особенностей государственности Монголии в период абсолютной монархии и анализ причин антифеодальных движений в указанный период.

В четвертой главе «Ограничение власти и ликвидация буддийской церкви», рассматривается процесс образования МНРП, приход ее к власти и, связанные с этим ограничения теократической монархии и демонтаж буддийских церковных структур.

Автор отмечает усиление давления на буддийскую церковь согласно указаниям И.В. Сталина и, в конечном счете, ее полное уничтожение.

В пятой главе обсуждаются попытки сохранения влияния буддийской церкви, а также рассматриваются заговоры и восстания, произошедшие после 1924 гг. Диссертант отмечает, что на показательных процессах 1930-х гг. лам уже не обвиняли в том, на что делали упор в 1920-х гг. пропаганда и «обновленцы»: обогащение, эксплуатация, роскошь, пьянство и т.п., а предъявляли более серьезные обвинения – в политических преступлениях (с. 487).

Работа С.Л. Кузьмина выполнена на основании обширных исследований автора, включая опрос очевидцев и их потомков на месте происходивших событий, что позволило автору уточнить некоторые факты и географию происходивших военных столкновений, боев, восстаний. Осуществляя реконструкцию сложных процессов государственного строительства и взаимоотношений власти и религии, диссертант опирался на широкую источниковую базу, многие источники были впервые введены в научный оборот, что, несомненно, является важным признаком новизны диссертационной работы С.Л. Кузьмина.

К числу других показателей новизны следует отнести:

- новую оценку политической роли религии, характера монгольской монархической государственности XX в., легитимации монархической власти, особенностей социальной структуры, места теократической Монголии в историческом процессе;

- авторскую интерпретацию процессов становления теократической государственности с точки зрения традиционной системы ценностей монголов на базе тибетского буддизма с инкорпорацией элементов тибетской, индийской и цинской мироустроительных моделей;

- комплексный анализ внутренних и внешних факторов развития теократической государственности Монголии, позволивший выявить ее предпосылки, движущие силы, тенденции и механизмы развития;

- новую трактовку причин и хода восстаний в Монголии в описываемый период.

В положениях, которые диссертант выносит на защиту, отмечается что:

1) Формирование новой государственности Монголии на теократической основе в XX в. было закономерным явлением, связанным с комплексом факторов, начавших складываться там еще до подчинения маньчжурам, и полностью сформировавшимся ко времени коллапса империи Цин. Этот комплекс основывался на тибетском буддизме и механизмах легитимации власти на его основе с инкорпорацией элементов монгольской, индийской, тибетской и цинской мироустроительных моделей. Результатом этого стала трансформация добуддийской монгольской традиции великоханской власти в традицию буддийского монарха, легитимирующего свою власть на религиозной основе.

2) Причиной национального движения монголов была «новая политика» империи Цин в XIX – начале XX в., означавшая концептуальный пересмотр традиционной цинской политики. Это движение было направлено против угроз китайской колонизации и ассимиляции, ликвидации монгольского традиционализма, а не против маньчжурской династии как таковой. Факт присвоения титула «Богдо-хан» Богдо-гэгэну Джебцзундамба-хутухте VIII означал перенос великоханского титула от маньчжуров обратно к монголам.

3) Теократическая Монголия имела все признаки государства и именно в таком качестве признавалась Россией. Однако соглашения между ними трактовались сторонами по-разному в связи с разночтениями в версиях соглашений 1912 и 1915 гг. на разных языках, следствием чего было разное понимание ими статуса Монголии и ее монарха.

4) «Духовных феодалов» в Монголии не было, араты-шабинеры не были крепостными. Имевшиеся в дореволюционном монгольском обществе противоречия не сформировали революционную ситуацию.

5) Отмена автономии Внешней Монголии китайскими оккупантами в 1919 г. была незаконной. Действия барона Р.Ф. Унгерна по борьбе с ними

были санкционированы законной властью страны и внесли решающий вклад в ее освобождение от оккупантов, восстановление независимости и монархии. Высшую власть в Монголии в тот период осуществляли Богдо-хан и его правительство.

6) Курс МНП/МНРП со времени ее прихода к власти был направлен на ликвидацию теократии и ограничение религии. При всех различиях ее подходов к «ламскому вопросу» в разные годы, данная тенденция сохранялась при направляющем воздействии руководства ВКП(б) и Коминтерна. Ликвидация буддизма в МНР во второй половине 1930-х гг. была осуществлена путем сочетания репрессий, пропаганды и экономического давления на церковь.

7) Заговоры и восстания против новой власти Монголии после 1921 г. и особенно в начале 1930-х гг. отражали неприятие широкими слоями населения ликвидации традиционализма и церкви, а также конкретных методов строительства нового общества, в связи с сохранявшимися в историческом сознании монголов представлениями о сакральности связи власти с религией (с. 42-43).

Положения, выносимые на защиту, соответствуют цели и задачам диссертации, подкреплены соответствующей аргументацией и фактическим материалом, приводимым автором, нашли отражение в его публикациях. Диссертация прошла апробацию на многочисленных конференциях в России и за рубежом, содержит признаки практической значимости.

Высоко оценивая вклад, сделанный С.Л. Кузьминым в данной работе в разработку темы становления государственности Монголии и влияния на этот процесс буддизма, следует отметить, что:

1. аргументация С.Л. Кузьмина относительно того, «монархическая власть в Монголии 1921 г. не была марионеточной, а Унгерн не был диктатором и оккупантом» (с. 282) выглядит не совсем последовательной и убедительной. Диссертант опровергает мнение, содержащееся в протоколе совещания членов МНП в Кяхте 13 марта 1921 г., которое автор считает

ошибочным, но фактические данные, приводимые в диссертации, позволяют считать, что Унгерн осуществлял преимущественно собственные честолюбивые планы и просто использовал благоприятную, по его мнению, сложившуюся ситуацию.

Сам диссертант отмечает, что «во Внешнюю Монголию Унгерн вторгся тогда, когда страна находилась под китайской оккупацией и законная власть там не действовала. Следовательно, его вторжение не нарушало суверенитет Монголии, которого тогда не было» (с. 280). Таким образом, при отсутствии законной власти ссылки на чью-либо санкцию теряют всякую силу. Далее автор пишет: «Унгерн действовал там по собственному усмотрению, не выполнял волю какого-либо иностранного государства, и его войска тоже не были войсками какого-то государства» (Там же). Следовательно, какие-либо законные основания для таких действий отсутствовали. С.Л. Кузьмин отмечает, что «по вступлении во Внешнюю Монголию барон стал действовать с санкции ее легитимного главы – Богдо-хана» (Там же). Здесь двойное противоречие: нельзя вводит войска на территорию другого государства без какой-либо санкции. Только что автор признал, что в Монголии в это время законной власти не было, поэтому у него нет оснований считать Богдо-хана легитимным главой.

2. С.Л. Кузьмин считает, что «хотя институция тулку появилась еще во время Юаньской династии, ее быстрое распространение произошло позже» (с. 100). В действительности, еще императоры династии Северная Вэй (5-6 вв), т.е. значительно раньше Юань (13-14 вв.), считались воплощением Майтреи, следовательно, институт перерождения не обязательно выступал альтернативой наследованию власти по родственной линии, что можно было наблюдать и в самом Тибете, где оба института (перерождения и наследования) могли сочетаться, например у иерархов Сакья.

3. В представлении диссертанта ИККИ и представительство СССР действовали согласовано и осуществляли одну и ту же политику ЦК ВКП (б), (по разным каналам) (с. 363), но в действительности, как видно из

опубликованных документов Коминтерна, такой полной согласованности не было, и после 1932 г. представители Коминтерна были фактически отстранены от работы в Монголии. На наш взгляд роль И.В. Сталина в истории Монголии в изложении диссертанта несколько преувеличена, поскольку влияние Сталина в партии и международном движении в конце 20- начале 30-х гг. еще не было таким большим, как в 40-50 гг. На политику правительства Монголии по отношению к буддизму оказывало, на наш взгляд, не меньшее влияние и борьба между различными группировками в МНРП, внутри феодалов, буддийского духовенства и монгольского народа в целом в тот период. Описание этой борьбы содержится в диссертации С.Л. Кузьмина, но не отразилось, в достаточной степени, в выводах.

4. выводы по главам сформулированы излишне многословно и, по сути, являются просто реферативным изложением содержания глав, содержат цитирования других авторов, что затрудняет выявление четкой позиции самого диссертанта по рассматриваемым вопросам.

5. Параграф 4.4. «Демонтаж буддийских церковных структур (1924–1939 гг.)» по своему объему и наличию собственной рубрики следовало бы выделить в отдельную главу.

Высказанные замечания не умаляют общую положительную оценку диссертационного исследования.

В целом, диссертация С.Л. Кузьмина «Буддизм и государственность в Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости» представляет собой законченный научно-исследовательский труд, вносящий крупный вклад в разработку проблематики новой и новейшей истории Монголии и взаимодействия религии и власти в процессах государствовоительства. Новые научные результаты, полученные диссертантом, имеют существенное значение для интерпретации современных политических процессов в Азии, понимания современной религиозной ситуации в Монголии, определении тенденций развития Монголии, а также направлений углубления международных связей.

Выводы диссертационного исследования достаточно обоснованы. Работа полностью соответствует требованиям п. 7 Положения ВАК РФ «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора, а ее автор Сергей Львович Кузьмин заслуживает присуждения ему ученой степени доктора наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Новое и Новейшее время).

Отзыв утвержден на заседании Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук 2 декабря 2016 г., протокол № 18. В обсуждении отзыва приняли участие: г.н.с. д.и.н., проф. Ц.П. Ванчикова; в.н.с., д.филол.н., проф. А.А. Базаров; в.н.с., д.и.н., проф. С.В. Бураева.

Отзыв подготовил: г.н.с., д.филол.н., профессор С.Ю. Лепехов.

Заведующий ЦВРиК
ИМБТ СО РАН
к.ф.-м..н.

О.С. Ринчинов

Ученый секретарь к.и.н.

С. С. Цыпилова

670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
тел.: 8 — 3012 — 43-35-51
факс: 8 — 3012 — 43-35-51
e-mail: imbt@imbt.ru